Жун Цзин подумал, что ему послышалось. Если бы не услышал своими ушами, трудно было бы поверить, что слова вроде «я завидую тому, что Отец-Император спрашивает тебя об уроках», слетели с уст Жун Цяньлуна, который свалился в озеро лишь бы не учиться.

— Я ведь не с рождения ненавидел учебу. — Жун Цяньлун догадался, о чем тот думает. Громко возразив, он тут же сбавил тон: — В самый первый день, когда я встретился с наставником, я сам нес тяжелый короб с книгами к Отцу-Императору. Ты помнишь, что он тогда сказал?

Жун Цзин не помнил и даже не пытался вспоминать. Он лишь думал о том, что в первый день встречи с наставником тому было всего пять лет, — насколько тяжелым мог быть этот короб? Какая же крайняя избалованность.

— Отец-Император просто посадил меня себе на колени и велел есть мандарины, — Жун Цяньлун надул губы, выглядя так, будто с ним поступили ужасно несправедливо.

Жун Цзин, на которого с самого рождения возлагали большие надежды, совершенно не понимал такой реакции:

— И что с того, что ты ел мандарины?

Жун Цяньлун резко уперся руками о кровать и приподнялся, садясь. С горьким возмущением он произнес:

— А потом пришел ты, пришел с пустыми руками. Отец-Император расспросил тебя об уроках, да еще и поинтересовался, есть ли что-то, чего ты не понимаешь, а меня даже не спросил! Я не хотел есть мандарины, я хотел, чтобы Отец-Император тоже спросил меня об уроках, чтобы он относился ко мне так же, как к тебе.

Жун Цзин отчасти понял обиду Жун Цяньлуна и, непривычно для себя, неуклюже похлопал его по плечу в знак утешения. Жун Цяньлун отвернулся, словно подавляя собственные эмоции, но вскоре успокоился:

— Все это было в детстве, по глупости я думал, что мы с тобой одинаковы…

Он на мгновение замолчал, а затем пояснил:

— Я вовсе не собирался соревноваться с тобой или спорить о чем-то, тем более о титуле Наследного принца. Просто я всегда восхищался тобой и завидовал тебе, поэтому во всем подражал. Ты пил крепкий чай, чтобы взбодриться, и я думал, что мне тоже нравится чай, хотя на самом деле я его терпеть не могу. Ты упражнялся с мечом и саблей, и я вечно тайком брал их в руки. Сабля, которую Отец-Император пожаловал тебе, была такой толстой, что я по неосторожности порезал себе ногу — к счастью, клинок задел резной угол стола. Отец-Император тогда сказал, что иначе мне бы отхватило всю стопу.

Жун Цяньлун решительно стянул носок и протянул ногу прямо перед лицом Жун Цзин. Расстояние было настолько близким, а движение — столь стремительным, что Жун Цзин на секунду подумал, будто тот собирается пнуть его в нос.

— Смотри, здесь до сих пор остался шрам.

На стопе Жун Цяньлуна не было ни мозолей, ни следов от занятий боевыми искусствами или дальних дорог, а белая, нежная лодыжка казалась совсем тонкой. Жун Цзин обхватил его щиколотку и очень медленно уложил ногу обратно на край постели.

— Но ты можешь не волноваться, теперь я не буду завидовать тебе и тем более подражать, — Жун Цяньлун ухватил Жун Цзин за палец, который тот собирался отнять, и виновато, с опаской произнес: — Я больше никогда не стану злить тебя. Чего бы ты ни пожелал — если это у меня есть, я всё отдам тебе. Всё, чем я владею, — лишь милость, я этого совсем не стою.

Жун Цзин наконец соизволил приподняться и сесть, прислонившись к изголовью. Он смотрел на странного младшего брата, мысленно перебирая каждое сказанное им сегодня слово, от которого веяло необъяснимой странностью.

— Что ты сказал?

— Брат… — Жун Цяньлун не удержался и всхлипнул. В прошлой жизни он бесчисленное количество раз хотел произнести эти слова, но так и не смог. — Я знаю, что вызываю у всех отвращение. Я говорю это вовсе не для того, чтобы ты простил меня — я хочу лишь сказать, что тебе не нужно терпеть меня и уступать мне, так быть не должно. Я не могу толком объяснить, но рано или поздно ты всё поймешь.

Жун Цзин перехватил обе руки Жун Цяньлуна, легонько сжал его пальцы, и вместо изумления в нем поднялся гнев:

— Это что, Сун Чуньжуй тебе наговорил глупостей? Если ты веришь его словам и так принижаешь себя, то ты просто круглый дурак!

— Нет, никто мне ничего не говорил! — Жун Цяньлун попытался забрать свои руки, но Жун Цзин, заметив его намерение, сжал их еще крепче.

Обычно Жун Цяньлун был не из тех, кто способен сам по себе заниматься самоанализом: сколько бы Императрица ни уговаривала его по душам, всё было без толку, а угрозы и уговоры Императора и вовсе влетали в одно ухо и вылетали из другого.

В сердце Жун Цзин закралось подозрение, и он уже на девяносто процентов был уверен, что здесь замешан Сун Чуньжуй — ведь тот вечно не умел разбираться в людях, но при этом слепо верил каждому слову Сун Чуньжуя.

— Смеет ли кто-нибудь говорить, что ты чего-то не стоишь? Пусть только попробует — посмотришь, как с ним обойдемся мы с Отцом-Императором.

Изначально Жун Цзин собирался отчитать Жун Цяньлуна за то, что тот посреди ночи, не бережа здоровье, бросился творить опасные глупости, но теперь, когда младший брат плакал перед ним, разве мог он произнести хоть одно суровое слово?

К тому же в последнее время Жун Цяньлун словно переродился: он больше не казался избалованным и вредным, зато жалко и трогательно прятался, тайком утирая слезы. Не скандалящий младший брат выглядел куда приятнее прежнего, а если присмотреться подольше, то и вовсе казался до странного милым.

Жун Цзин вспомнил, каким Жун Цяньлун был в пять-шесть месяцев от роду. Кормилица ухаживала за ним старательно, и малыш рос пухленьким, беленьким и донельзя прелестным — Жун Цзин мог целый час неподвижно лежать, прильнув к краю его кроватки.

Неизвестно, в какой именно момент повзрослевший Жун Цяньлун вдруг стал всех раздражать. Но услышав сейчас его откровенное признание, Жун Цзин наконец понял все скрытые в его душе терзания, и сердце его защемило от боли.

Раньше доводилось слышать, что после каждой болезни у ребенка портится характер, а Жун Цяньлун с малых лет не выпускал лекарства изо рта едва ли не круглый год, так что его вспыльчивый нрав можно было и простить — так всегда думал Жун Цзин.

Когда Жун Цяньлун заснул, Жун Цзин еще не уходил. Он сидел у изголовья, глядя на его безмятежное во сне лицо, и от долгого созерцания в нем зарождалось странное чувство чуждости — он никак не мог припомнить, когда же тот успел так вырасти. Жун Цзин невольно предался раздумьям: поистине, старший брат заменяет отца.

С этой ночной беседы напряженные до предела отношения между братьями значительно смягчились. Хоть это и было проявлением усердия лишь с одной стороны Жун Цяньлуна, Жун Цзин по крайней мере не стал прогонять его прочь.

Жун Цзин был загружен делами и редко мог уделить время аудиенции, которой так добивался Жун Цяньлун. И чем реже это удавалось, тем упорнее Жун Цяньлун стремился увидеть брата: являлся ни свет ни заря, приносил чай и сладости или же просто приходил, чтобы хоть взглянуть.

Он не шумел и не устраивал скандалов, заявляя лишь, что будет стоять вдали: приоткроет щель в двери снаружи, и Фу Фэн даже не решался прогнать его. Жун Цзин прекрасно знал, что тот ошивается за дверью, но возиться с ним не хотелось, к тому же от его пристальных взглядов становилось не по себе.

В конце концов он наказал Фу Фэну: если Жун Цяньлун явится снова, пускай просто

пропускает его внутрь. И действительно, в следующий раз Жун Цяньлун радостно прошел в кабинет, притащил с собой стул — ладно бы еще стул, но он, ничуть не смущаясь, придвинул его вплотную к столу Жун Цзин. Усевшись как ни в чем не бывало, он подпер подбородок рукой и принялся неотрывно пялиться на Жун Цзин.

Жун Цзин против воли напрягся. На столе лежало множество секретных депеш, и если уж Жун Цяньлун уселся рядом, то даже Фу Фэн соблюдал крайнюю осторожность, не смея приближаться к письменному столу ближе чем на пять шагов.

Это уже переходит границы. Жун Цзин хотел велеть ему отодвинуться подальше, но, подняв голову, встретился взглядом с парой наивных, недоумевающих глаз. Ладно, пусть сидит, раз уж на то пошло. Все равно в те дни, когда тот пытался учиться, он вряд ли что-то понимал — Жун Цзин подозревал, что брат даже иероглифы-то толком не различает.

— Ты чего на меня смотришь? — Жун Цяньлун вспомнил, как его отчитывал наставник, и неожиданно почувствовал за собой абсолютную, железобетонную правоту. Он ткнул пальцем в бумагу с трактатом: — Занимайся своими делами.

http://bllate.org/book/41846/5345708